

Бет Лон

Дона Мом полусидела-полулежала на упругом удобном кресле родильной палаты, широко расставив стройные загорелые ноги. Она прекрасно помнила все рассказы о том, как важна психологическая подготовка к родам, что на самом деле боль, испытываемая во время этого священного таинства появления новой жизни, вовсе не так сильна, во многом продуцируется корой головного мозга вследствие стрессовой обстановки и легко переносится подготовленным к ней телом. Но её бёдра были уже среднего, таз недостаточно широк, а относительно крупная головка младенца неприятно давила на прямую кишку и низ живота, заставляя женщину неистово желать, чтобы эти часы мучений поскорее закончились. Дона не могла сдержать вырвавшиеся из горла душераздирающие стоны, несмотря на утешения и поддержку доброй и заботливой медсестры. Малыш рождался с невероятным трудом. Его крупное тельце буквально разрывало органы Мом, покрывшейся с головы до пят крупными каплями пота. Опытная акушерка и медицинские роботы-автоматы контролировали весь процесс от начала и до конца, изредка помогая молодой роженице и вводя обезболивающие инъекции. Ничего не помогало. Она в беспомощности металась по приятному на ощупь слегка структурированному покрытию кресла, не замечая его удивительного комфорта, а чувствуя лишь режущую невыносимую боль. Адская пытка разрубала на куски всё её тело. К рефлекторному произвольному сокращению гладких мышц матки присоединилась совместная работа попеременнополосатой скелетной мускулатуры брюшного пресса, диафрагмы, тазового дна. Наконец младенец полностью появился на свет, врач, принимавший роды, дождался отделения плаценты и оболочек от стенок матки и рождения последа, старательно обработал промежность Доны заживляющим раствором Б314¹, подшил растерзанные органы. Не выдержав невероятного напряжения, вымотанная до предела новоиспечённая мама потеряла сознание.

Новорождённый отчаянно кричал, его крохотные лёгкие наполнялись прохладным воздухом операционной, внимательная помощница врача, обследовавшего Дону, уверенно и нежно подхватила маленького человечка и понесла его в специально подготовленный медицинский бокс. Новая жизнь... Какой она будет? Кем станет этот крохотный комочек, только что пришедший в громадный мир? Простым работником, трудящимся во благо общества? Художником или музыкантом, пытающимся поймать едва намечающиеся контуры Нового Искусства Будущего? Учёным, раздвигающим горизонты познания?

¹ В рассказе использованы термины из романа Ивана Ефремова «Туманность Андромеды».

Дону приводили в сознание несколько минут, применив все возможные средства пробуждения. Очнувшись, она сразу попросила взять на руки только что родившееся дитя. Крупный ребёнок, сморщенный, с небольшими мешочками под неосознанными глазками, реденькими волосиками на большой относительно тела головке, прося материнской защиты, инстинктивно потянулся коротенькими ручками к лицу Мом, прижался к голой груди и дотронулся пальчиком до напряжённого соска. Пережитая боль заострённым лезвием надрезала нервы Доны, заставила переосмыслить жизнь, изменить своё сформированное внешним окружением и навязанное извне отношение к подготовке и становлению Нового Человека. Нет! Она никогда не отдаст его специально отобранным и обученным воспитателям! Слишком дорого он ей достался. Слишком многое пришлось потерять, от многого отказаться ради того, чтобы держать в своих слабых женских руках невероятно уязвимого и такого беззащитного мальчика. Она поедет на остров Матерей — Ява, и сама будет обучать его грядущим непредсказуемым перипетиям взрослой жизни. Излишняя родительская забота — не помеха для правильного и грамотного воспитания, и их совместные усилия будут наполнены счастьем и радостью творческого общения друг с другом.

Малыш открыто и доверчиво посмотрел в бездонные глаза мамы, смешно скривил губки и тут же уснул. Дона прижала его к сердцу, поклявшись больше никогда и ни за что не отпускать...

Двухлетний малыш был крупнее и выше других детей сообщества матерей острова Ява, приютившего всех женщин, желающих воспитывать ребёнка самостоятельно. Беззаботный и весёлый, он носился по вершине большого утёса, с которого открывался обзор простирившейся до самой линии горизонта сверкающей глади морской солёной воды. Океан внизу бурлил, свистел и шипел, волны взрывали его стеклянистую поверхность и разбивались об изрезанный временем каменистый склон. Хмурые тучи низко висели над бескрайними, протянувшимися с востока на запад, колоссальными массами ревущей воды. Дона подумала, как сильно её сын похож на отца. Мант Рог погиб ещё до рождения Бета при постройке нового спутника связи на околоземной орбите. Глупая и нелепая смерть от случайно пролетевшего рядом метеорита. Дона понимала, что это неизбежность, что таких жертв в истории Эры Великого Кольца сотни, если не тысячи, но не смогла смириться с неотвратимостью утраты. Женщина часто вспоминала его квадратное добродушное лицо, тёплые карие глаза, прямой ровный нос, тонкие, всегда сжатые губы. Её спутник много раз приходил к ней по ночам, в тревожных и тягучих снах. Она так и не смогла забыть его, хотя, безусловно, понимала, что от этого ей становится только хуже.

Оглушительный возглас близкой подруги пробудил женщину от причиняющих страдания дум. Маленький сын Доны подбежал к самому краю крутого обрыва, рискуя немедленно свалиться в ужасающе глубокую, развёрзнувшуюся преисподней для двухлетнего малыша пропасть. Дона видела всё как в замедленной видеосъёмке. Она вскочила с места, подключив на все сто

процентов резервы истощённого непрерывной заботой и неусыпным контролем, но ещё сохранившего остатки былой жизненной силы, организма. Ребёнок пошатнулся, не удержал равновесие и медленно, как ей казалось, страшно медленно полетел вниз. Дона прыгнула вперёд, распласталась на животе и проскользила до края обрыва, не замечая, как скальная ребристая поверхность утёса лохмотьями срезает кожу, хлёстко выбросила руку в гудящую пустоту, цепко схватила родного человечка за тоненькую ножку и рывком выдернула на влажный песок сформированной природой естественной площадки. Детский беспомощный плач ревущими струями сбил гипнотическое оцепенение, охватившее группу матерей, вышедших на прогулку со своими неугомонными чадами.

Вытащив сына из губительной бездны, Дону настигла нервная реакция. Она неистово прижала мальчика к своей груди, не обращая внимания на его непрерывные попытки вырваться. Глаза пережившей смертельный ужас женщины остекленели, и только помощь находившихся рядом подруг позволила выжить ребёнку, сдавленному Доной до невозможности дышать от страха его неминуемой потери...

Прошло восемь лет. Десятилетний Бет Лон беспечно гулял по Острову Матерей, встречал знакомых мам и детей, наслаждался солнцем, дождём, танцующей в потоках поднимавшегося влажного воздуха радугой и не мог осознать страданий его преждевременно состарившейся от исключительных для жителя Эры Великого Кольца переживаний матери. Её жизнь не была сложной, насыщенной событиями, героическими подвигами и беспрестанными поисками нового, но неуравновешенная психика, подсознательное недоверие к людям, возникшая вследствие этого моральная травма и телесная слабость привели к постепенному разрушению неустойчивого равновесия увядающего организма.

Конечно, Бет многого ещё не осознавал. Окружающий мир казался большим и прекрасным, предстоящий трудный, но интересный путь сулил множество неповторимых приключений и загадочных открытий. Перед ним были распахнуты все двери, и подросток надолго замечтался, представляя завтрашние победы и вдохновляющие дела. Расположенные неподалёку давно потухшие вулканы изумрудно-коричневыми мятыми шапками выпирали из плодородной земли. Хотелось высоко прыгать и далеко бежать, избыток физической силы, рано начавшееся половое созревание переполняли грудь бешеным стремлением выплеснуть накопившуюся внутри звериную энергию. Юный Бет Лон взял в руки пятикилограммовое легкоатлетическое ядро, которым часто баловался, тренируя свою изумительную ловкость и невероятную удаль. Он прислонил ядро к выпуклой пластине невероятно сильной для подростка грудной мышцы, закрутился на месте волчком и коротким взрывным движением направил небольшой шар высоко вверх и слегка вперёд, желая проверить, насколько высоко он сможет его подбросить. Взгляд Бета устремился следом за спортивным снарядом, и тут краем глаза он заметил бежавшую поперёк расстеленного природой вдоль плоскогорья покрывала из светло-жёлтых цветов девочку в сиреновом платье. Королевская примула, цветение которой когда-то предупреждало многочисленных жителей острова о приближающейся опасности — губительном для всех извержении вулкана, — была распространённой растительной культурой среди разнообразной флоры,

прижившейся на тропическом острове. Бет Лон был недалеко от девочки и мог наблюдать её развевавшиеся от быстрого бега тщательно заплетённые косички, милый курносый носик и ясные глазки с тонкими ресничками. Он молниеносно высчитал в уме траекторию падения брошенного им в голубое безоблачное небо стального ядра, и сообразил, что оно камнем опускается прямо на ничего не подозревающего беззащитного ребёнка. Холодный пот выступил на лице впервые встречавшегося с чудовищным невезением подростка, он страшно испугался, но в страстном желании спасти невинное дитя кинулся в сторону девочки. Увесистый сверкающий шар неумолимо снижался, малютка замерла, как делают пугливые зайчики в случае приближающейся опасности, закрыла личико тонюсенькими ручками, присела на корточки. В самый последний момент Бет допрыгнул до неё, схватил за пояс платья, увлёк дрожащими руками в ближайшую кучу недавно срезанной старательными работниками острова свежей травы, прижал её своим телом и накрыл голову руками, приготовившись к самому худшему. Звон удара ядра о торчащий из почвы кривым углом кусок вулканической породы заставил вжать голову в плечи, содрогнуться от неожиданности, животный страх холодком пробежал по покрывшейся мурашками спине. Отполированный до блеска металлический шар отскочил в сторону, просвистел в долях миллиметра мимо виска мальчика, пару раз подпрыгнул и прокатился далеко вперёд, примяв группу одиноко растущих белых эдельвейсов, напоминающих звёзды с хаотически расположенными лучиками. Почувствовав дурнотное ощущение прошедшей мимо смерти, подросток разразился всхлипывающими рыданиями, перевернулся на спину и сжался в бесформенный, непрерывно вздрагивающий комок. Девочка, не понимая и не осознавая, что произошло, пребывавшая в шоке от случившегося, испуганно вскочила и стремглав побежала в направлении недавно построенного жилого комплекса для маленьких учеников нулевого цикла.

...Наспех расставленное в небольшой комнате оборудование создавало жуткий беспорядок. Бет Лон торопился. Ласт Хоп оставался его последней надеждой, единственным сохранившимся добровольцем из группы в двенадцать человек, одиннадцать из которых уже были ранее отправлены математиком в неизвестные параллельные измерения, о существовании которых наука и не могла предположить. Учёный чувствовал, что удача близко, знал, что этот смелый парень сможет отправить весточку «с того света», а также вытянуть обратно всех, оказавшихся по ту сторону нашего мира. Он быстро подключал всевозможные провода к идеально подобранным разъёмам, нажимал круглые литые кнопки, поворачивал тугие рычажки. В центре комнаты располагалась прямоугольная невысокая платформа, светящаяся по краю неоновыми светло-зелёными огнями. Прозрачная граница перехода в параллельное измерение заколебалась, стала темнеть, превратилась в стену кирпичного цвета с разбросанными в непредсказуемом порядке волнистыми трещинами сливово-фиолетового оттенка. Бет Лон включил яркий ослепительный свет.

Ласт Хоп уверенно натянул тонкий серый костюм с герметичными застёжками, проверил крепления на рукавах, взял в руки лёгкий, практически невесомый, прозрачный шлем.

— Я готов, Бет!

— Отлично! Запускаем через минуту.

Бет Лон в лихорадочном волнении перепрыгнул через стоявший прямо перед ним конденсатор электромагнитного заряда, схватил со стола небольшую тонкую пластину голубого цвета с аккуратно вставленным в заранее подготовленное отверстие крестиком переключателя, передал бесстрашному добровольцу.

— Это аппарат для связи. Как только окажешься на той стороне, нажми крестик. Я зафиксирую поле. Товарищи не должны были далеко уйти, мощности установки хватит на тридцать секунд. Ты схватишь их, свяжешь слабым электрическим разрядом друг с другом через сцепленные пальцы рук и вытянешь обратно. Справишься?

— Постараюсь!

Ласт Хоп надел шлем, щёлкнул соединительным устройством-замком, потёр окоченевшие от холода кисти. В комнате было очень холодно, чтобы взаимодействию силовых полей не помешали ускоренные колебания микрочастиц казавшихся неопределёнными квантовых состояний. Бет Лон подал незаметный знак добровольцу. Тот повернулся к бордовому, уже превращавшемуся в цвет засохшей крови, искусственному барьеру. Глубоко вздохнув, Ласт Хоп шагнул в неизвестность. Преграда поддавалась усилиям, и доброволец удивительно легко провалился сквозь практически почерневшую стену.

В то же мгновение его тело наполнилось космической лёгкостью. Невесомое, оно парило в невидимой субстанции, словно летящая на невысказанной высоте дерзкая птица. Свобода этого невероятного полёта опьянила добровольца, обволакивая полностью расслабившегося человека, раскинувшего руки в головокружительном падении. Все мысли и чувства, любые возможные и невозможные ощущения исчезли из сознания Ласта Хопа, оставив только созерцание покоя, наслаждения и радости. Счастливая улыбка принесла умиротворение на его напряжённое лицо, как кисть художника уверенными мазками мечту о светлом будущем на грубый и жёсткий холст. Ласт не мог сопротивляться несущему его в неведомое живительному потоку. Казалось, он растворяется в мягком и пушистом, но вместе с тем абсолютно не ощущавшемся кожей прозрачном материале. Беспредельность была везде, и ставшая мутно-белёсой колыхающаяся масса обнимала его, как любящая девушка, целовала и ласкала. В потоке этого невероятного удовольствия доброволец терял собственную индивидуальность, становясь частью нечто большего, коллективного организма, неземного разума и галактической необъятности.

Сладостное блаженство закончилось с той же внезапностью, как и началось. Хопа словно выдернули из уютной постели, вырвав из крепких объятий чудесного сна. Восстановившееся после забытья зрение проткнули насквозь контуры неясных очертаний, раздробленных форм, бесцветных комбинаций и бессмысленных оттенков. Доброволец словно оказался внутри больного рассудка психопата, сходящего с ума посреди оживлённой улицы. Он не понимал, что это и где он находится. Никакой чёткости, никакой логики, никакой последовательности не было в этой области безобразного безумия. Он огляделся вокруг, но ничего не увидел.

Абсолютно ничего. Ни света, ни тени, ни формы, ни размера. Ласт не замечал красок и не разбираал звуков. Внутренние органы человека первыми стали сопротивляться странным законам этого сумасшедшего мира. Они горели изнутри, сжигаемые неизвестным, проникающим вглубь естества смертоносным излучением. Сердце, желудок, кишечник, кости, мышцы, лёгкие будто растворяло невидимой, всё выжигающей кислотой. Ласт Хоп становился пустым, он реально исчезал из самой сути своего существования. Физическое и материальное уничтожение слилось с нравственным и духовным, невозможная невидимая сила схлопывала его внутрь самого себя в несуществующую гипотетическую точку. Становясь частью бессмысленно нереального, он терял не только рассудок, он утрачивал своё материальное тело и нематериальный информационный след. Человек безвозвратно испарился в параллельном пространстве, построенном на таких разрушительных и деструктивных принципах, внутрь которых отражавшая нашу настоящую реальность мысль никогда не смогла бы проникнуть, и просто нахождение в котором противоречило самой основе движения, размножения и вещественности бытия.

Бет Лон судорожно дёргал за ручки приборов электромагнитного сдвига, что есть силы стучал кулаком по резонансному отражателю, вдребезги разбил зеркальные полимеры на квантовых экранах. Всё тщетно! Ни одного, даже самого малейшего, ответа от его некогда пышущей молодым задором и неутомимой жизнью команды не последовало. Они молчали. Молчали, сгнули в неизвестности, как древнегреческие герои в царстве Аида. Учёный мгновенно осознал всё...

Математик знал: расплата неминуема. Он слишком поздно это понял, он не сумел вовремя остановиться, подставив под удар не только любивших его людей, но и собственную совесть. В отчаянии от невозможности всё исправить он стал крушить сложнейшую, созданную усилиями множества людей, аппаратуру, ломать чрезвычайно сложно устроенные испытательные камеры, разбрасывать усилители вихревых потоков. Не в силах сдержать гнев, Лон дал ему возможность управлять собой, надеясь избавиться от гнетущего чувства непомерной вины за произошедшее.

...Учёный не мог принять только что завершившегося над ним суда. Они не верили ему. У него не было доказательств. У него не было оправданий. Да, он сумел убедить Совет Чести и Права, сумел открыто и честно, не пряча глаз, рассказать всей планете, что уверен в успехе, что отправленные им в параллельное измерение отважные храбрецы странствуют там живыми и здоровыми, но верил ли он сам в это? Или это всё порождение его больного рассудка шизофреника, не сумевшего научиться тому, что светлая мечта без надёжной основы всего лишь нереальный мираж, сметённый дуновением слабого ветерка воздушный замок. Приговорён к изгнанию... Что это значит? Ему нельзя будет вернуться в Большой Мир? Он теперь изгой, изуродованный неудачей калека, растоптанный закончившимся катастрофой опытом, нищий духом ничтожный убийца? Такого он ожидал, начиная свой путь учёного в заоблачные

дали безграничных исканий? Справедливо ли поступили с ним, не дав возможности всё исправить?

Но как? Как он может это сделать? Академия Пределов Знания отвергла все его теоретические построения. Да, он знает, он чувствует, что прав, но что толку? Смириться? Нет, он этого никогда не сделает. Не позволит никому, пусть даже всему человечеству, управлять его волей и разумом. Они решили так — пусть так. Теперь он будет жить ради себя и только для самого себя. Они разочаровались в нём, он разочаровался в них. Они бросили его в тяжелейший момент рискованного испытания, на пороге невиданного открытия, на краю необычайного триумфа и невиданного успеха. Но себя он не бросит.

Бет Лон уверенно шагнул в мучительную неизвестность...

Увеличенный в два с половиной раза солнечный диск сиял невыносимо ярко, несмотря на мощные светофильтры внешних экранов, берегущие чувствительные человеческие глаза. Бет Лон смотрел на звезду, подарившую жизнь человечеству, и не понимал, как такое могло произойти с его жизнью. Десять лет, проведённых на Меркурии, казались вечностью. Его присутствие не требовалось для автоматических независимо работавших от людей механизмов, добывающих на первой планете Солнечной системы драгоценные для земной промышленности металлы. Существовать здесь можно было только глубоко под поверхностью, скудная пища не обеспечивала потребностей здорового человека, а клейкое одиночество психологическим прессом давило все направленные ввысь устремления. Бет Лон был близок к отчаянию. Меркурианские сутки равнялись ста семидесяти шести земным, ввиду особенностей движения этой быстрой планеты вокруг Солнца и своей оси продолжительность меркурианского дня, как и ночи, равнялась продолжительности года. Один нестерпимый, тягостно тянувшийся целый меркурианский год день, одна ледяная, остановившая течение времени на год ночь. Наблюдая бесконечно одинаковый пейзаж, лишённый привычного человеческого общения, Бет Лон медленно сходил с ума. Пару раз ему хотелось взять лёгкий биологический скафандр и выйти в нём на сжигаемую солнечным излучением и изрытую метеоритными кратерами мёртвую пустыню. Иногда он тайно пробирался на теневую сторону Меркурия и двигался многометровыми прыжками, глядя вверх в безжизненную космическую бездну, полную бесчисленных звёзд. Временами теряя ориентацию в пространстве, падал на громадные зубчатые откосы, простирающиеся на сотни километров и называемые эскарпами, скатывался на дно многокольцевых гигантских воронок, рискуя нарушить герметичность скафандра, пока его не одолевала жуткая усталость и обогревательная система защитного костюма не начинала противно визжать скрипучими тонами. Он играл со смертью в прятки, но эта легкомысленная и ветреная особа никак не приходила для того, чтобы забрать его к себе. Вынужденное безделье выворачивало наизнанку его жаждущий фанатичной работы мозг, а жестокий запрет участвовать в земной жизни разрывал сознание вопиющей несправедливостью. Бет Лон бросил взгляд на занимавший всю стену светящийся мягким рассеянным светом электронный календарь, запомнил дату следующего прибытия на Меркурий регулярным рейсом планетолёта с запасами

воды и пищи, встал и решительно направился в своё тесное меркурианское убежище для того, чтобы собрать немногочисленные вещи. Настало время вернуться...

Высокий мускулистый человек, не глядя по сторонам, шёл по грунтовой дороге Острова Забвения. Обнажённый до пояса, он играл грудными мышцами своего могучего торса, покрытого седыми короткими волосами. Кубическая громоздкая голова Бета Лона на короткой толстой шее возвышалась над широкими плечами, высокий лоб мыслителя прорезался бороздками расходящихся в разных направлениях по всему лицу глубоких морщин. Острые глубоко посаженные глаза находились неестественно близко друг к другу, и от этого облик угрюмого человека казался зловещим и мрачным. Математик изо всей силы пнул большой камень, лежавший на дороге. Камень резко взлетел в горячий прозрачный воздух, несколько раз перевернулся вокруг своей оси и упал в росшую на обочине густую траву, издав глухой, едва слышный, звук. Годы, проведённые Бетом Лоном на Острове забвения, тянулись очень долго — бесконечно долго. Он сам был похож на камень — мёртвый, пустой и бессмысленный. Три десятилетия скитаний отвергнутого учёного по Солнечной системе не прошли для него без последствий. Сердце Бета Лона обросло грубой и прочной оболочкой агрессивного равнодушия, душа закрылась наглухо в непроглядном мраке. Ничего не радовало бывшего мечтателя, смелого учёного-первопроходца, в своё время горевшего безумной идеей нового мира, мира, расположенного настолько близко к нашему, что стоило лишь протянуть руку, и вот он, этот мир, как на ладони. Бет Лон превратился в заржавевший меч, который вместо того, чтобы разрезать скрывавшую мир внешнюю оболочку, понять устройство мироздания и суть вещей, плашмя бил его самого, разочаровавшегося в науке и человечестве учёного, оставляя на огрубевшей от горя коже грязные следы истлевшего металла.

В небольшом городке острова располагалась спасательная станция. Бет Лон прошёл мимо белоснежного входа многоэтажного здания цилиндрической формы, завернул за угол мимо похожих на хижины домов и очутился на небольшой площадке, устланной мягким покрытием из искусственной шерсти, напоминавшим ворсистый ковёр с фантастическими узорами. Чуть поодаль, возле огромного дерева, свисавшего своими толстыми, усыпанными ярко-зелёными листьями, ветвями практически к земле, заслонённая от слепящего солнца, стояла невысокая девушка. Короткая алая юбка начиналась от невероятно узкой талии и заканчивалась на середине бархатных, покрытых медным загаром, широких бёдер. Вместо блузки её тело закрывала полоска ткани с пёстрым узором, туго намотанная крест на крест. Тонкие надетые на запястья браслеты тихо звенели от малейшего движения обнажённых рук. Смуглое круглое личико девушки было сосредоточено на размышлении, большие серые глаза смотрели как бы сквозь пространство, грустно остановив взгляд на высокой стене спасательной станции густого молочного цвета. Тёмные волнистые волосы развевались лёгким ветром, путаясь короткими завитками и изредка касаясь невысокого лба и нежной кожи щёк.

Бет Лон облизнулся, как безжалостный хищник, предвкушая лёгкую добычу. Девушка казалась совсем маленькой и ничтожной в сравнении с ним, огромным

монстром из выдающихся мышц, буграми перекатывавшихся под плотной кожей. В несколько шагов он настиг незнакомку и властно спросил:

— Как тебя зовут?

Девушка вздрогнула и испуганно подняла широко раскрытые глаза с затрепетавшими ресницами. На две головы ниже математика, она была вынуждена тянуться доверчивым лицом ребёнка к массивной челюсти бывшего учёного, чтобы его разглядеть.

— Онар... — едва успев ответить, девушка почувствовала, как жёсткие губы незнакомца врезались в её нежные губы, твёрдый, но упругий шершавый язык проник в глубину её маленького рта, а громадные руки мужчины схватили круглые ягодицы молодой женщины, приподняв её над землёй. Невиданное желание и одновременно отвращение овладели Онар, она невероятным усилием смогла вырваться и быстро пойти в сторону густой рощи кустарников, воспользовавшись замешательством Бета Лона, никогда в своей жизни не встречавшего такого сопротивления, тем более от неожиданно неустрашимой и отважной девушки. Сквозь чащу ничего разглядеть было нельзя, и математик побрёл наугад через непроходимые джунгли этой части острова...

Он нагнал её на дороге возле небольшой рыбацкой дереvушки. Беспрестанно оглядываясь, Онар не ожидала, что насильник неожиданно выскочит из надвигавшегося неприступной стеной мрачного леса. Стремительно набросившись на жертву, математик затащил её в пахнущие терпким ароматом мускуса редкие кусты, навалился на сопротивляющуюся девушку всем телом, попытался стянуть юбку, зажав мозолистой рукой рот, и развязать подтягивавший грудь платок. Однако незнакомка, скрестив руки, случайно ударила его локтями прямо в солнечное сплетение. Математику стало трудно дышать, спазм диафрагмы ослабил звериную хватку, после непродолжительной борьбы он поймал Онар за ногу, но та сумела отбиться и убежать. Взбешённый Бет Лон, придя в себя после удара под дых, в ярости извергал слова древних проклятий. Он никогда не останавливался ни перед чем. Ради собственных эгоистичных желаний он угробил свою жизнь, жизнь преданных ему людей, испортит жизнь и ей, Онар, этой беззащитной в своей юности, хрупкой и притягательной девушке. Поднявшись, он пришёл в себя, отдышался и продолжил неумолимую погоню за отказавшейся стать его сексуальной рабыней незнакомкой в красной юбке.

...Бет Лон преследовал Онар от пятого посёлка. Никогда ещё на Острове Забвения никто не противился его могучей воле. Только эта девушка посмела сопротивляться, в своей святой наивности взбесив бывшего учёного. Много женщин Острова стали сексуальными жертвами страшного математика. Многих он брал силой, но они, смирившись со своей участью, послушно подчинялись. В конце концов, им это даже нравилось. Поддаваясь странному гипнотическому влиянию Лона, они отдавались ему, а потом забывали произошедшее. Так продолжалось годами, количество безымянных жертв исчислялось десятками, и никто не догадывался о том, что происходит. Только Онар оказалась не внушаемой. Что-то

необъяснимое было в этой странной, казавшейся беспомощной, девушке, тем не менее ставшей крепче камня и твёрже стали в своём сопротивлении неизбежному.

В маниакальном упрямстве Бет Лон шёл вперёд по тропинке, не обращая внимания на мешавший передвигаться кустарник. Возле выхода из леса тропа поворачивала налево, и учёный неожиданно вышел на широкую равнину, покрытую ковром из золотисто-жёлтых и бледно-лиловых цветов. Математик не обратил на них совершенно никакого внимания, зато сразу услышал звон браслетов, увидел Онар и крепко державшего её за руку темнокожего человека. Африканские черты лица, высокий рост, атлетическое сложение незнакомца поразили Бета Лона, не встречавшего на Острове Забвения подобных пылающих жизнью людей, но ещё больше учёного поразила взгляд его спокойных ясных глаз. Блестящая кожа молодого африканца искрилась на солнце, ноги ступали мягко и вкрадчиво, выдавая умелых охотников в его несомненно выдающейся родословной. Впрочем, этот совсем ещё юноша вряд ли сможет противостоять ему, закалённому в ненависти ко всему земному, испытывавшему горечь невыносимых поражений, грозному Бету Лону.

— Стойте! — властный голос математика громом прогремел по равнине, заставив замереть мелких грызунов, прятавшихся в траве.

Чернокожий африканец не шелохнулся, не вздрогнул и не побежал прочь. Напротив, он ступил вперёд и заслонил своим мускулистым торсом молодую девушку. Изумлённый до глубины души Бет Лон на секунду замешкался, однако тут же подошёл к незнакомцу и резко толкнул его руками, вложив в это движение всю доставшуюся ему от предков генетически, а также наработанную годами тренировок, мощь. Но высокий атлет даже не сдвинулся с места. Взбешённый математик резко сжал кисть в кулак и молниеносно ударил незнакомца в лицо. Раздался вскрик Онар, полный горького отчаяния. Незнакомец пошатнулся, устоял на ногах, но внезапно бросился на Лона. Учёный уклонился и нанёс африканцу удар коленом в живот, заставив того согнуться пополам, после чего добил падающего темнокожего смельчака локтем по затылку. В этот момент Онар стремительно рухнула на колени, пытаясь закрыть молодого незнакомца своим юным, вызывающим животную страсть Бета Лона, телом. Математик возбуждённо зарычал, торжествуя над жертвой. Он схватил Онар, заломил её руки так, что локти развернулись назад, тело страдальчески изогнулось крутой дугой, рыдания девушки пронзили безмолвие тропической поляны. Бет Лон наслаждался беспомощностью Онар, её ярко-красным от стыда и бессилия цветом кожи, её горевшим изнутри гневом, понимая, что через несколько минут она будет стонать и извиваться под его тяжёлым телом, доставляя ему несказанное удовольствие. Он будет трахать её смачно, эту спелую сучку, посмевавшую противиться ему, великому учёному, открывшему параллельный мир и получившему за это лишь презрение и непонимание. За ту боль, что он перенёс, что испытывает сейчас, все понравившиеся ему женщины должны быть у его ног, никто не смеет ему отказывать. Никто! Лицо Бета Лона исказилось от остервенения, на несколько мгновений он утратил над собой контроль и забыл о находившемся рядом молодом африканце.

В этот момент темнокожий противник поднялся, бросил быстрый взгляд на математика, намереваясь ударить, и вдруг резко отшатнулся, выпрямившись.

— Бет Лон! — громкий голос незнакомца свистящим бичом ударил в уши математику. От неожиданности он отпустил Онар, посмотрев прямо в лицо темнокожему наглецу, неожиданно узнавшему его. Кто это?!

— Бет Лон, я много думал о встрече с вами, считая вас собратом по несчастью, — крикнул африканец, — но никогда не представлял, что это будет так!

— Как так? — Бет Лон постарался придать голосу как можно больше наглости. Глаза его загорались злобой, злобой на весь мир, злобой на людей, лишивших его любимого дела, злобой на всю Вселенную, Вселенную его бесконечных страданий и безграничного отчаяния.

Незнакомец провёл рукой по воздуху, будто отстраняясь.

— Зачем пустые слова? В том мире вы не произносили их и действовали пусть преступно, но во имя большой идеи. А здесь во имя чего? — сказанное темнокожим юнцом врезалось в мозг раскалёнными кинжалами, доставляя Бету Лону нестерпимую боль.

— Самого себя, и только самого себя! — учёный сжал зубы, презрительно, словно сквозь забор, бросая острые, колючие слова в незнакомца. — Довольно я считался с другими, с общим благом! Всё это не нужно человеку, как я понял. Это знали и некоторые мудрецы древности.

Но африканец был неумолим. Он прервал математика.

— Вы никогда не думали о других, Бет Лон. Уступая себе во всём, кем вы стали теперь — насильник, почти животное!

Жгучая ярость вскипала внутри учёного, и только прожитые годы сопротивления злобе позволили ему сдержаться, не набросившись на незнакомца.

— Довольно, вы говорите слишком много!

— Я вижу, что вы утратили слишком много, и хочу...

— А я не хочу! Прочь с дороги!..

Но молодой африканец и не думал сдаваться. Он стоял как вкопанный, с наклоненной вперёд головой, словно намереваясь пробить невидимую стену. Дрожавшая всем телом Онар прикоснулась к нему плечом, и Бет Лон чувствовал, что незнакомец не отступит. Решимость его наполненных пламенем глаз пробила толстую оболочку слепой агрессии жестокого математика, заставив отпустить путников.

— Идите, — Бет Лон отступил в сторону от тропинки, шумно выдохнув застрявший в лёгких воздух.

Незнакомец крепко сжал кисть Онар и повёл через заросли кустарника. Бет Лон не сводил глаз с темнокожего мужчины и его спутницы. Ненависть к свободным не разочаровавшимся в жизни и гордым людям пронзала его всё медленнее соображающий в связи с неуклонным приближением старости мозг. Вдруг незнакомец настолько стремительно остановился, что Онар врезалась в его спину, продолжив движение по инерции.

Не оборачиваясь, темнокожий африканец чётко, спокойно и без злобы произнёс:

— Бет Лон, вернёмся вместе в Большой Мир!

Математик постарался прикрыть смехом собственное бессилие, самоуверенно бросив незнакомцу горькие слова отчаяния:

— Кто вы такой, чтобы предлагать мне это? Знаете ли вы?..

Чернокожий атлет мгновенно ответил:

— Знаю. Я тот, кто также сделал запрещённый опыт, погубил доверившихся мне людей. Я шёл близко от вашего пути в исследовании, и мы... Вы, и я, и другие уже накануне победы! Вы нужны людям, но не такой...

Ошеломлённый Бет Лон сделал несколько инстинктивных шагов навстречу незнакомцу, не в силах поднять глаз, но тут же овладел собой. Развернувшись в другую сторону, он повернул голову назад и грубо кинул в пространство несколько кипящих злобой слов:

— Я лучше знаю, кто я и что я! Мне не нужны люди! Мне никто не нужен!

Ничего не ответив, незнакомец пошёл по тропе в сторону пятого посёлка. Онар следовала за ним неотступно. Через несколько бесконечно долго тянувшихся мгновений они скрылись за поворотом тропинки.

Бет Лон, как подкошенный, рухнул на влажную землю, обхватив голову руками. Всё это время он считал себя правым, думал, что человечество погрязло в трясине стабильного гнилого существования, что люди перестали развиваться, довольствуясь комфортной и глупой жизнью на пустой земле. Его затуманенный мозг отказывался видеть происходящее вокруг, он не интересовался жизнью родной планеты, не замечал великих космических экспедиций, смелых научных открытий, рискованных экспериментов. Он, Бет Лон, знал, что без угрозы смертельной опасности, без балансирования на краю пропасти не добиться успеха в головокружительных опытах. Как же слеп он оказался в собственной глупости! Он не один, и этот молодой темнокожий незнакомец, как огненный метеор, яркой вспышкой невиданной встречи вернул ему, Бету Лону, смысл его будущей жизни. Ледяная слеза вышла из глаза учёного, испарившись под жарким солнцем. Космический холод его остывшей за годы изгнания души рассеивался ласковыми лучами невиданной доселе звезды. Этот совсем ещё мальчик сделал то, что не смогло сделать человеческое общество, не смогло сделать с ним несомненно справедливое наказание, не смогла сделать наполненная ужасом и отчаянием жизнь. Африканский юноша вернул Бета Лона в лоно родной земли, заставил его задуматься над прожитыми годами, понять, чего он лишился, возненавидев весь мир за собственную ошибку. Математик повалился на бок, разрываемый накатывавшими на него волнами переживаний, не в силах остановить крупную дрожь грузного тела. Вся жизнь, весь его наполненный мучениями длинный путь пронесли перед угасающим взором, обжигая огнём нахлынувших воспоминаний. Сердце замедляло удары, стараясь облегчить страдания несчастного человека, пытаясь погрузить его в смертельные объятия забвения. Но неутомимый мозг учёного яростно сопротивлялся, не желая мириться с неумолимым. Нет, ещё не всё сделал Бет Лон на этой земле. Нет, ещё способен он служить другим и себе,

служить честно и мудро, служить во славу человека и общества. Мозг Бета Лона взял под контроль не желавшее терпеть нестерпимую боль сердце, участил его удары до тридцати в минуту, отключил сознание и провалился в липкую трясины беспробудного сна...

Бет Лон резко вскочил, почувствовав неладное. Непроглядная темнота накрыла остров, прерываемая стрёкотом бесчисленных насекомых. Надвигающаяся опасность заставила математика длинными прыжками рвануть к находившейся неподалеку маленькой речушке. Он бежал не оглядываясь, словно невидимая сила влекла его к этому месту. Преодолев несколько километров за десять минут, он замер на опушке леса, вглядываясь в закручивавшуюся мелкими водопадами, накатываясь на разбросанные по дну камни и превращаясь в бурлящую пену, прозрачную воду. Чернота ночи рассеялась узким серпиком молодой луны, и Бет Лон увидел на берегу темнокожего спасителя своей израненной осколками страданий души. Могучий африканец внимательно смотрел на речку, потом, почувствовав взгляд математика, обернулся и взглянул прямо на него, но не увидел в переплетении стволов и веток надёжно скрытую природой мощную фигуру учёного.

Незнакомец поднялся и быстро пошёл по дороге, перепрыгивая и перебираясь через небольшие возвышенности. Бет Лон неотступно следил за ним, чувствуя, что чернокожий друг скоро встретится с животной силой, которой не способен в одиночку противостоять. Мимо математика бесшумно скользнул неясный полосатый силуэт, скрывшись во тьме. Тигры? Разве они есть здесь? За всё время жизни на острове Бет Лон ни разу не встречал этих красивых сильных зверей. А ведь они могли стать его друзьями. Одиночество к одиночеству... Но нет!

Его друзьями станут не тигры, его напарником станет этот молодой дерзкий чернокожий, заново воспламенивший потушенный самим же учёным костёр стремления к научным исканиям. Это он, эбеновый дьявол, возродил его, посадил семя надежды внутрь измученной души. И он поможет ему, поможет, чего бы это не стоило! Иногда вся наша жизнь сводится к одному безумному поступку.

Грозный рык зверей раздался совсем близко. К счастью, они не замечали Бета Лона, призраком наблюдавшего за королевской охотой. Незнакомец остановился, озираясь, затем стремглав понёсся по дороге со скоростью лучших земных спринтеров. Бет Лон помчался за ним, едва успевая уследить взглядом за перемещениями мелькавших в воздухе голых пяток. Незнакомец бежал легко, красиво и бесшумно, как будто парил над землёй, и тяжёлым прыжкам математика было не сравниться со скоростью невесомых ног молодого красавца.

Бет Лон уже отставал, глотая ртом воздух. Он не мог напиться этой живительной, дающей выносливость атмосферы, в боку стало колоть, при всей своей недюжинной силе быстроты ему явно не хватало. Боясь потерять еле видневшийся в полутьме движущийся след ступней незнакомца, математик едва не запнулся о выступавший из сухой земли кряжистый корень старого дерева. Заметив свисающий практически до колен корявый сук, учёный плотно обхватил его ладонями, напряг мышцы всего тела так, что вздувшиеся от напряжения вены,

казалось, вот-вот порвут натянутую кожу, и отломил непокорную ветку у самого основания. Впереди маячила большая поляна, и Бет Лон успел краем глаза заметить, как темнокожий юноша повернул туда. Следом за ним, осторожно, опираясь на мягкие когтистые лапы, поползли хищники. Незнакомец подбежал к центру поляны, увидел кучу беспорядочно разбросанных каменных обломков и схватил самый большой из них, направив острым концом в сторону приближавшихся устрашающих животных.

Собрав все остатки сил, Бет Лон пересёк поляну несколькими прыжками и, хватая ртом воздух, поднял над головой корявый сук.

— Я с тобой, товарищ!

Его крик заставил отпрянуть полосатых кошек, казавшихся чудовищами в переплетении света и тени от опускающегося за линию горизонта узкого месяца. Изумлённый юноша в восхищении глядел на Бета Лона, готового пожертвовать своей жизнью ради его спасения.

Но замешательство тигров длилось недолго. Увидев, что рядом с жертвой встал пусть и суровый, угрюмый, но всё же обычный человек, они продолжили зловещее действо с удвоенной энергией.

— Скорей! — неизвестный голос разнёсся над ночной равниной.

Внезапно жуткий треск и грохот раздался позади математика. Световые вспышки прорезали сгустившийся мрак. Он знал, что это электрические парализующие гранаты, и видел, как несколько всадников стали быстро приближаться к ним с нескольких сторон. Стыд и робость, как у маленького мальчика, поднялись из глубин подсознания. Бет Лон не смог справиться с ними, не хотел, чтобы это видели другие. Незаметно он сделал несколько шагов в сторону и назад и пропал в тёмной глубине опушки, незримо удаляясь от людей Большого Мира.

Сильный голос незнакомца настиг его в отдалении.

— Бет Лон, не уходите!

— Я приду! — математик уверенно произнёс два коротких слова, и он знал, что сдержит обещание. Пусть не сейчас. Пусть потом. Но он вернётся в родные просторы, покинутые им больше трёх десятилетий назад...

Максим Михайлов, апрель 2022 года.